

Пик Летящих Облаков, Платформа Танца Меча.

В этот момент Шангуань Цинъюнь обливался слезами — тьфу, потом. Из-за событий вчерашнего вечера Шангуань Цинъюнь, едва проснувшись, был «обрадован» Ань Жанем: сегодня ему предстояло взмахнуть мечом тридцать тысяч раз.

Услышав это, Шангуань Цинъюнь почувствовал, как жизнь его теряет всякий смысл.

Ань Жань посмотрел на остолбеневшего Шангуань Цинъюня и безжалостно добавил: Тридцать тысяч раз, и каждый взмах должен быть выполнен безупречно. Истинный Человек велел мне следить за этим со стороны.

Шангуань Цинъюнь тут же уставился на Ань Жаня. Хотя на лице у того не дрогнул ни один мускул, Шангуань Цинъюнь верил, что Ань Жань обязательно поймет всё, что он пытается выразить глазами.

Ань Жань действительно понял взгляд Шангуань Цинъюня, однако совершенно серьезно, по слогам, ответил ему: Старший брат, не волнуйся, я не буду поддаваться.

Шангуань Цинъюнь «истек кровью» и рухнул на землю.

Старший брат, что с тобой!

Как бы Шангуань Цинъюнь ни «истекал кровью» и ни притворялся, тренировку меча никто не отменял. Так и возникла сцена, где Шангуань Цинъюнь обливался потом на Платформе Танца Меча.

Тридцать тысяч взмахов без использования духовной силы, при этом каждый должен быть идеальным — даже для культиватора на стадии Золотого Ядра это серьезное испытание.

Ань Жань, дай мне хоть немного отдохнуть, — тяжело дыша, словно загнанный бык, попросил Шангуань Цинъюнь, уже совершивший более двадцати тысяч взмахов.

Ань Жань покачал головой и невозмутимо ответил: Истинный Человек сказал, что тебе нельзя отдыхать.

Как только эти слова были произнесены, Шангуань Цинъюнь, окончательно выбившись из сил, повалился на землю.

Старший брат! — вскрикнул Ань Жань и поспешил к нему, чтобы проверить состояние.

Откинувшись на руки Ань Жаня, Шангуань Цинъюнь открыл глаза и серьезно проговорил: Придет день, и я обязательно сражусь с Истинным Человеком Ляньму.

Я буду ждать этого дня, — раздался голос Истинного Человека Ляньму. Неизвестно, когда он появился на платформе. В его глазах не было ни капли эмоций, лишь ледяное безразличие, от которого становилось не по себе.

Впрочем, я не верю, что тот, кто даже мечом взмахнуть не может, способен победить меня, — холодно бросил Истинный Человек Ляньму и развернулся, чтобы уйти. Его белые одежды развевались, источая холод, который был не просто отчужденностью, свойственной наставнику, а чем-то, идущим из самой глубины души, будто перед Шангуань Цинъюнем стояло бездушное божество. Услышав это, Шангуань Цинъюнь вскочил с рук Ань Жаня и снова принялся за меч.

Ань Жань остался в стороне, молча считая взмахи: Двецать три тысячи девятьсот... двадцать три тысячи девятьсот один... двадцать три тысячи девятьсот два... Неправильная стойка. Двадцать семь тысяч пятьсот один... двадцать семь тысяч пятьсот два... двадцать семь тысяч пятьсот три... Тридцать тысяч.

Стоп, — скомандовал Ань Жань, как только счет достиг цели.

Стоило Шангуань Цинъюню услышать эту команду, как он тут же рухнул на землю.

Это снова напугало Ань Жаня. Он подбежал к нему, осмотрел и с облегчением выдохнул: всего лишь переутомление.

Ань Жань, будь добр, помоги мне добраться обратно, — с виноватой улыбкой попросил Шангуань Цинъюнь.

Хорошо. — Ань Жань достал из-за пазухи бумажного журавлика и наполнил его духовной силой, отчего тот превратился в настоящего белого журавля. Он помог Шангуань Цинъюню взобраться на птицу и сел следом.

Как думаешь, мы не упадем? — с легким беспокойством спросил Шангуань Цинъюнь, чувствуя, как журавль раскачивается в воздухе.

Нет, — уверенно заверил его Ань Жань и поднял голову, сосредоточенно управляя полетом. Шангуань Цинъюнь с трудом добрался до своего дворика и первым делом захотел принять ванну.

Ань Жань, ты не поможешь мне дойти до купальни? — спросил он.

Мгм. — Ань Жань кивнул и, поддерживая Шангуань Цинъюня, направился к воде.

В ванной комнате поднимался пар, сплетаясь с тонкими занавесями. На полу из белого нефрита небрежно валялась одежда с красным узором на белом фоне, вызывая самые разные мысли.

Увидев свои вещи, Шангуань Цинъюнь невольно покраснел и несколько раз кашлянул.

Ань Жань посмотрел на него с особой серьезностью: Сменную одежду можно утром оставлять у двери, её заберут.

Хорошо, — ответил Шангуань Цинъюнь. Что еще он мог сказать в подобной ситуации? Было слишком неловко, особенно под пристальным взглядом Ань Жаня.

Старший брат, мне помочь тебе войти в воду? — спросил Ань Жань, глядя на него снизу вверх.

...Хорошо. — Глядя в кристально чистые глаза Ань Жаня, Шангуань Цинъюнь решил, что если откажется, то выставит себя последним негодяем.

Тогда раздевайся, — сказал Ань Жань.

А? — Шангуань Цинъюнь не сразу понял, о чем речь.

Разве ты не снимаешь одежду перед купанием? — с недоумением спросил Ань Жань.

Ох. — Шангуань Цинъюнь начал развязывать пояс.

Одежда сползала слой за слоем, обнажая кожу, нежную и чистую, как нефрит, — результат изнеженного воспитания. Шангуань Цинъюнь вынул деревянную шпильку из волос, и три тысячи черных прядей водопадом упали на плечи. Повернувшись, он заметил, что Ань Жань засмотрелся, и нахмурился — не из-за того, что парень засмотрелся, а из-за собственной внешности.

Старший брат такой красивый, вот бы и мне быть таким же, — восхищенно произнес Ань Жань. Лицо Шангуань Цинъюня мгновенно почернело.

Ему хотелось прибить его, но Ань Жань был еще совсем ребенком, к тому же таким милым и непосредственным, что Шангуань Цинъюнь не мог сердиться. Ой, уже поздно, мне пора возвращаться к Истинному Человеку Ляньму. Старший брат, мойся сам, я пойду, — внезапно спохватился Ань Жань и, быстро выбежав из ванной, улетел на бумажном журавле.

Шангуань Цинъюнь проводил его недоуменным взглядом. Неужели Истинный Человек Ляньму боится, что он испортит Ань Жаня, поэтому и приказал тому возвращаться в определенное время?

Шангуань Цинъюнь покачал головой. Понятия не имел, что творится в голове у Истинного Человека. Лучше просто насладиться купанием.

Короткая сценка:

Ань Жань: Старший брат, почему ты такой красивый?

Шангуань Цинъюнь: Потому что я люблю есть мясо маленьких детей. (Посмотрим, как ты расплачешься. Зловещая усмешка).

Ань Жань: Старший брат, а меня можно съесть? (Глаза светятся от восторга).

Ли Цычу, подслушавший этот разговор, молча достал блокнот и записал: Красивая старшая сестра любит есть мясо маленьких детей.

Шангуань Цинъюнь: Хех, хе, хе-хе-хе, хе...

С вас уже хватит!!!

<http://bllate.org/book/21145/2144205>